

АЛЕКСАНДР КАРПОВ

**ВО ВРАЖЬЕЙ
ШКУРЕ**

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К26

Иллюстрация на обложке *Павел Магась*

Карпов, Александр Николаевич.

К26 Во вражьей шкуре / Александр Карпов. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с. — (Окопная правда Победы. Романы, написанные внуками фронтовиков).

ISBN 978-5-04-229713-7

Максима Прохорова призывают в Красную армию перед самой войной. Отлично владеющий немецким языком, он попадает в разведшколу, где по легенде становится рядовым вермахта Шрайбером. В мае 1942 года группу советских диверсантов забрасывают во вражеский тыл с задачей наладить связь с действующими партизанскими отрядами. Одновременно группе приказано взорвать железнодорожный мост — важную транспортную артерию гитлеровцев. В последний момент фашисты обнаруживают схрон с взрывчаткой, которую приготовили наши бойцы. Операция оказывается под угрозой срыва. Шрайберу и его товарищам остается надеяться только на отличное знание немецкого языка и... особую хитрость...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-229713-7

© Карпов А.Н., 2025
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Глава 1

— Следующий, проходите! — прозвучал из помещения за стеной громкий голос медицинской сестры.

Почти в ту же секунду дернулась и с легким скрипом распахнулась массивная деревянная дверь. Из дверного проема процедурного кабинета вышел в коридор товарищ Максима по госпитальной палате.

— Заходи, — кивнул ему он и с широкой улыбкой на лице подмигнул, намекая на хорошее расположение духа у той медицинской сестры, которая в этот день обрабатывала раны и меняла повязки.

— Красноармеец Прохоров на перевязку прибыл! — громко доложил о себе Максим, переступив порог помещения, отделявший привычные и уже притупившиеся в сознании запахи коридоров и палат тылового госпиталя от тех запахов, что царили в процедурном кабинете.

За порогом кабинета ноздри его тут же обожгло резкой смесью проспиртованного воздуха, смешанного с запахами бинтов, гнили и различных лекарств, что стояли за стеклянными перегородками на полках белых деревянных шкафов, во множестве расположившихся вдоль стен огромного процедурного кабинета.

— Не на перевязку, а на осмотр, Прохоров, — поправила парня медсестра — женщина лет тридцати, обычно не занимавшаяся ничем другим, кроме как обработкой ран лечившихся в госпитале бойцов и работой в операционных. — Перевязок у тебя больше нет. Сегодня последний осмотр и на выписку. Снимай рубаху, а то у меня времени совсем не осталось. Сейчас машина с препаратами подойдет, встречать ее буду. А это большая ответственность. Ничего упустить нельзя, все принять и посчитать, сверить со списками, с накладными и передать на хранение. А потом еще и по отделениям распределить. Так что поторапливайся. Дел у меня и без тебя очень много.

Максим уже привычно расстегнул на груди госпитальную пижаму и, оголив плечи, стянул ее до пояса, обнажив перед медсестрой для осмотра израненную, с несколькими затянувшимися рубцами на коже, спину.

— Ну, вот. Все хорошо. Все зажило, почти как на собаке, — протянула медицинская сестра, отчего у парня сложилось мнение о том, что она

в этот момент улыбается, радуясь за его благополучное выздоровление после ранения.

Женщина стояла у него за спиной, а потому он не мог ее видеть, но интуитивно ощущал ее искренние эмоции.

— Сегодня документы на тебя подготовим, а уже завтра их главный врач подпишет и ты отправишься на выписку, — так же бодро и радостно заговорила она, сохраняя положительные эмоции в голосе от вида заживающих ран, но к концу фразы резко изменила тон и произнесла уже довольно тихо: — На фронт, наверное, не хочешь? Страшно было?

После заданных вопросов он опустил глаза и стиснул зубы, не зная, что произнести в ответ. На фронте действительно было страшно. Очень страшно. И не только ему. Всем. Вообще всем. И простым солдатам, и командирам, и политработникам.

«Генералы, думаешь, не боятся?» — услышал он как-то от ротного старшины, когда только отгремел артиллерийский обстрел, накрывший фугасными снарядами позиции его подразделения в боях под Москвой.

Максим вспомнил этот случай и задумался. Часто пули свистели возле его головы, требуя не высовываться из укрытия без крайней на то необходимости. Один раз замешкавшийся после прозвучавшей команды «воздух!» солдат не успел добежать до укрытия и погиб у него на гла-

зах, сраженный осколками авиационной бомбы. А однажды боец, послушавшийся предупреждений старших товарищей, полез на неразведанное место, в результате чего задел ногой неразорвавшийся боеприпас, спрятавшийся в траве, и был разорван на части. А сколько раз в бою, в атаке, в которую он уже дважды ходил, убивало или ранило кого-то, кто был рядом с ним, а его самого ничем не задевало. Он помнил это, а потому уже хорошо знал, что такое страх, настоящий страх.

— Да, было страшно, — наконец ответил он медсестре и добавил: — Но я на фронт все равно хочу. Мое место там.

Максим по-юношески храбрился, но не перед женщиной, а больше перед самим собой. Он прекрасно понимал, что возвращение в строй и на передовую для него неизбежно. Все остальное — вопрос времени. Через несколько дней или через месяц это все равно состоится. И он будет включен в списки личного состава какого-нибудь стрелкового полка, а может, для начала, маршевой роты, в рядах которой прибудет к линии фронта. Еще день, как сказала медсестра, и его выпишут из госпиталя, где он провел почти полтора месяца, перенес две операции, благодаря чему из его тела были извлечены три осколка от минометной мины. Два прошили мягкие ткани спины, один вошел в мышцу бедра.

Тишину перевязочного кабинета прервал легкий скрип открывающейся двери, в проеме

показалась еще одна медицинская сестра с несколькими папками бумаг, которые она прижимала руками к груди. Увидев через очки Максима, она сосредоточила на нем внимательный взгляд и произнесла:

— А, Прохоров, ты здесь. Наконец-то я нашла тебя. Как закончишь перевязку, иди скорее в кабинет комиссара госпиталя. Тебя туда вызвали.

— Видать, направление на службу прямо сейчас получишь от него, — сразу сделала свой вывод из услышанного та медсестра, что осматривала его раны.

— Да нет. Скорее всего, задание даст для выступления на комсомольском собрании, — ответил он медсестре так, будто уже предвидел результат своего похода в указанном направлении, и стал натягивать на плечи опущенную к поясу пижаму.

Уверенный в своем предположении, Максим никак не ожидал увидеть в кабинете комиссара госпиталя абсолютно другого человека. За окутанным облаком табачного дыма письменным столом вместо пожилого седовласого политработника сидел довольно молодой, на вид около тридцати лет, сухощавый и плечистый капитан-пограничник.

— Красноармеец Прохоров, — не скрывая своего удивления от встречи с незнакомым человеком, начал докладывать Максим, но тут же

был остановлен жестом руки, сделанным сидевшим за столом обладателем зеленых петлиц со «шпалами» на них.

— Садись, Прохоров, — указал он на стул и тут же спросил, направив сосредоточенный взгляд прямо в глаза парню, еще не успевшему опомниться и освоиться в присутствии незнакомого человека: — Какой у тебя уровень владения немецким языком?

Максим в ответ замешкался, не зная, что сказать. Вернее, знал, но поначалу растерялся, больше от того, что не мог определить тот объем знаний, которым по факту мог обладать. Подобным вопросом он никогда не задавался. Просто учил иностранный язык некоторое время назад. Имел, как ему говорили, способности к этому занятию. Но не гнался за каким-то конкретным уровнем знания языка, не совершенствовался во владении немецким языком. Довольствовался тем, что легко познавал незнакомые, порою сложные в произношении и чуждые славянскому уху слова и выражения.

Капитан-пограничник не стал долго ждать. Следующую фразу он произнес уже на немецком, слегка удивив таким действием Максима и одновременно загнав его в легкий ступор от неожиданности. Он продолжал пристально на него смотреть, словно ждал чего-то, но делал это терпеливо, без грубости, насмешек, улыбок или давления. Эта пауза позволила парню сосредото-

читься. Он распознал, наконец, произнесенные на немецком языке слова капитана. Не полностью, лишь частично. Но и это позволило понять ему в целом, что был задан какой-то конкретный вопрос. Максим разобрал его суть, перевел для себя общее значение фразы. Теперь обязательно нужно было что-то ответить. Он лихорадочно соображал. Чужеродные слова скакали в его голове, но ни одно из них никак не ложилось в тот ряд, который должен был войти в состав нужного предложения, четкого и понятного на слух. Если задан вопрос, то сам собой напрашивался на него ответ.

— С тобой все ясно! — с досадой заключил капитан и опустил взгляд в какие-то бумаги, что лежали перед ним на столе.

Едва он произнес эти слова, которыми подчеркнул свое разочарование способностями вызванного в кабинет бойца, как Максим выдал ему требуемый ответ по-немецки, что и хотел услышать от него тот в самом начале разговора.

— О! — удивился пограничник. — Молодец, красноармеец Прохоров!

Солдат смущенно пожал плечами, краснея, и сдержанно улыбнулся.

— А как твоё здоровье? — последовал новый вопрос капитана, который, словно начав получать удовлетворение от общения с бойцом, откинулся спиной на спинку стула.

— Выздоровливаю! — бойко ответил Максим.

— Я не об этом, — вздернул брови пограничник. — Зрение, слух, сердце, суставы? Ничего не болит? Ни на что не жалуешься? На вид ты парень крепкий.

— Нет! Ничего не болит, и ни на что не жалею, товарищ капитан, — уже не так бодро, удивляясь и пытаясь понять суть заданных ему вопросов, ответил боец.

Пограничник снова внимательно посмотрел на него и медленно, почти по слогам, произнес низким сдавленным голосом, делая при этом выражение лица строгим и серьезным:

— О встрече со мной здесь никому ничего не рассказывать. Все ясно? Свободен.

Удивленный случившимся только что с ним, Максим вернулся в свою палату. В голове его никак не укладывалась странная встреча с капитаном-пограничником, интересовавшимся уровнем владения солдатом немецким языком. Всем он задает такой вопрос или только определенным людям, он не знал. А потому ломал голову над вопросом: откуда мог этот человек получить информацию о том, что обычный красноармеец, проходивший в данный момент лечение в госпитале после ранения на фронте, говорит по-немецки. Немного, с некоторым трудом, с запинками, с ошибками, но говорит и понимает иностранную речь. Может читать, переводить

тексты, декламировать стихи, которые специально когда-то учил, оттачивая произношение.

На фронте Максим лишь раз удивил своих командиров и товарищей неожиданным признанием, что может помочь перевести слова допрашиваемого только что взятого в плен немецкого ефрейтора.

— Жаль, что у нас ни в роте, ни в батальоне языка никто не знает, — досадливо протянул тогда политрук, обращаясь к комбату во время прохода по траншее как раз напротив стрелковой ячейки, где находился в этот момент Максим, дежуря на передовой. — Штатный переводчик только в штабе дивизии есть. А нам бы сейчас его сюда. Да это надо посыльного отправлять. А лишнего человека нет. Пленного туда отправить — сами без ценной информации останемся.

— Да, — ответил ему тот. — Я бы с радостью услышал от пленного сведения о расположении немецких огневых точек, артбатареи и минометов.

— Товарищ старший лейтенант! — отозвался на их диалог Максим, искренне решив помочь своим командирам. — Я могу. Я немного владею немецким языком. Учил когда-то.

«Владею немного», — было сказано им без бахвальства, скромно, негромко, не очень уверенно. Но вырвались эти слова из груди парня с полной искренностью, с желанием помочь своим командирам и внести личный вклад в общее дело борьбы с врагом.

— Ну пошли тогда, — немало удивился признанию простого красноармейца политрук роты, окинув того оценивающим взглядом.

Максим действительно когда-то давно весьма упорно и серьезно учил немецкий язык. Подходил к этому делу со всей ответственностью, будто хотел сделать подобное занятие делом всей своей жизни. А потому добивался до поры до времени хорошего результата. Штудировал словари, читал и переводил тексты, учил объемные фразы и предложения, пересказывал потом самому себе пройденный материал, повторял его снова и снова, пока не добивался качественного запоминания. Но все это было лишь юношеским увлечением и не более того. Никакой конкретной цели в итоге у парня так и не возникло. Со временем изучение немецкого языка сошло на нет, его сменили другие занятия и увлечения молодого человека.

В детском доме, где с семилетнего возраста воспитывался осиротевший во время эпидемии тифа Максим, одним из его воспитателей был этнический по отцу немец-полукровка. Никогда не бывавший на родине своих предков, выросший в русскоговорящей среде, он являлся одним из тех, кто упорно сохранял верность своему народу и происхождению. Он часто читал книги на родном языке, с кем-то из родни переписывался на нем, а для своих воспитанников любил громко и с выражением декламировать стихи извест-

ных немецких поэтов. Максиму стихи очень нравились. Он замирал, слушая своего воспитателя, и внимательно смотрел на него во время чтения, подпирая кулаками подбородок. Тот видел реакцию мальчика, а потому со временем мягко и ненавязчиво стал произносить специально для него названия многих вещей и предметов именно на немецком языке, сразу переводя их значение на русский. Максим впитывал в себя все услышанное и каким-то никому не понятным способом быстро и намертво запоминал абсолютно все сказанное ему. Ранее незнакомые слова и выражения легко укладывались в его голове. Он без каких-либо заметных и значимых усилий постигал все новое. Немецкий язык заучивался юношей намного лучше, чем другими. Никто из воспитанников в его детском доме не имел таких способностей, что были у него. Немец-воспитатель видел это и с удовольствием давал парню все новые и новые знания.

Со временем они перешли вместе к чтению книг, к заучиванию стихов, к переводам сначала простых и небольших по объему текстов, а потом и более сложных и длинных. Дошло и до того, что они начали общаться между собой исключительно на немецком языке, всецело отдаваясь этому увлечению. Остальных воспитанников это немало забавляло, и они даже беззлобно подтрунивали иногда над Максимом, называя его немцем и смеясь над этим.

Так прошло несколько лет. Но однажды, вернувшись в детский дом из пионерского лагеря, чтобы продолжить учиться теперь уже в седьмом классе, мальчик не увидел среди воспитателей своего наставника, немца по происхождению. Того нигде не было. А на все вопросы, где он и в целом о его судьбе, никто не давал четкого ответа: все пожимали плечами и отворачивались, не желая говорить на данную тему. Максим терялся в догадках, куда делся наставник, пока кто-то не шепнул ему на ухо, что его любимый воспитатель был арестован и, скорее всего, обвинен в шпионской подрывной деятельности. Почти тогда же в стенах детского дома впервые появился еще мало кому знакомый, но звучащий, словно набат, термин «враг народа».

Прошло еще немного времени, и воспитанники детского дома и вовсе позабыли воспитателя-немца, увлеклись чем-то новым, окунулись в освоение преподаваемых дисциплин, ушли с головой в повседневные занятия. Максим по инерции еще какой-то период времени читал что-то из тех книг, которые были ему оставлены наставником задолго до отъезда в пионерский лагерь в начале лета. Но и он потом, не чувствуя на себе ненавязчивого давления и задора наставника, а также постоянных напоминаний о занятиях, переключился на что-то другое и постепенно совсем перестал открывать свои учебные тетради по немецкому языку, а также книги на нем.

За последующие два года, проведенные в школе фабрично-заводского обучения, где Максим осваивал специальность токаря-станочника, он ни разу не вспомнил о своем давнем увлечении. А потом и вовсе оставил где-то всю имевшуюся у него литературу на немецком языке, потерял абсолютно все учебники и сохранил всего одну тетрадку с записями, а также смог уберечь небольшой словарь, которым когда-то пользовался для переводов текстов. Он-то ему и пригодился уже потом, когда, завершив обучение по специальности, юноша был принят на большое производственное предприятие. Ему тогда волею судьбы пришлось осваивать оборудование, документация к которому имела только на немецком языке. Прежние знания как разгодились Максиму. С некоторым трудом, но он все же смог перевести некоторые части сложных технических текстов и передать их содержание одному из инженеров завода. На юношу тогда обратили внимание и по прошествии некоторого времени рекомендовали продолжить учебу на рабфаке, дав ему для этого соответствующую характеристику. Максим согласился на это и с удовольствием окунулся в новую для себя жизнь. Днем он работал за станком, обтачивал и шлифовал детали сложной конфигурации. А вечером, после окончания трудового дня, шел на занятия, неся с собой котомку с тетрадками и учебниками.